

Новости ПИР-Центра

21 декабря 2001 года в ПИР-Центре в рамках исследовательского проекта «Стратегические треугольники в Северо-Восточной Азии» было проведено заседание Экспертно-консультативного совета. Его тема – «Северо-Восточная Азия: проблемы безопасности и интересы России». В центре обсуждения находился вопрос о стратегической роли Китая сегодня и в будущем. Несмотря на новую ситуацию, сложившуюся в мире после событий 11 сентября 2001 года, эта проблема, по мнению большинства экспертов, полностью сохраняет свою актуальность.

Заместитель директора Института США и Канады РАН Михаил **Носов** подчеркнул, что начиная с 1989 года в российско-китайских политических отношениях произошли значительные позитивные изменения: решен вопрос о границе; создана так называемая *Шанхайская пятерка*, доведенная недавно до *шестерки*; нормализована военная ситуация на границе; регулярно происходит обмен визитами на высшем уровне и т.д.

В экономических отношениях ситуация несколько иная. В начале девяностых годов, когда отношения российского Дальнего Востока с так называемым *материком* были практически прекращены, торговля с Китаем буквально спасла этот регион. В 1993 году объем товарооборота между Россией и Китаем составил 7,7 млрд долл. Но пик 1993 года был преодолен только в 2000 году. В 2001 году объем торговли, по некоторым оценкам, может подойти к 20 млрд долл., хотя эта цифра представляется завышенной. За исключением поставок вооружений и военной техники, Россия в целом оказалась неконкурентоспособной на китайском рынке. Китайцы не испытывают особой потребности в российских станках и оборудовании, предпочитая закупать современное оборудование и технологии в западных странах и Японии. Приграничная торговля, составлявшая более 50% товарооборота (а по некоторым оценкам, доходившая временами до 70%), стала сокращаться после того, как были усложнены проблемы перехода границы. Это негативно сказывалось на общем объеме торговли.

Вызывает беспокойство очень серьезное демографическое давление Китая на Россию. В провинции Хэйлуцзян, примыкающей к

российскому Дальнему Востоку, проживает более 120 млн человек, а на всем нашем Дальнем Востоке – 7,5 млн человек. С 1990 года население этого региона сократилось примерно на девять процентов.

Другая сторона стратегического треугольника в Северо-Восточной Азии – отношения между США и Китаем. И в России, и в Китае существуют очень серьезные проявления антиамериканизма. Но если российская торговля с Китаем в лучшем случае достигнет в 2001 году 20 млрд долл., то торговля между США и Китаем превысила в 2000 году 120 млрд долл. Если американские инвестиции в Россию составляют всего 2,5 млрд долл., то только подтвержденные американские инвестиции в материковый Китай (без Гонконга) составляют свыше 25 млрд долл.

После 11 сентября 2001 года китайцы вполне определенно поддержали США в войне с терроризмом. Пекин заявил, что готов участвовать в международном военном контингенте в Афганистане (хотя оговорил, что это относится только к Афганистану и что участие Китая в борьбе с терроризмом в других регионах мира возможно только по решению ООН), передислоцировал дополнительные войска в Синцзянь. Это несколько притушило проблему Тайваня, которая тем не менее остается. Руководство КНР не будет разжигать конфликт с Тайванем. Оно рассчитывает, возможно не без оснований, что с течением времени этот конфликт будет разрешен в пользу континентального Китая. В то же время политическая неопытность президента Джорджа Буша-младшего привела к тому, что США впервые отошли от принципа *стратегической неопределенности* в тайваньском вопросе. Раньше американцы не говорили о том, какова будет их реакция на попытку Китая военным путем решить проблему Тайваня, а также как США отреагируют на провозглашение Тайванем независимости. Джордж Буш-младший нарушил этот принцип, заявив, что, если Китай военным путем попытается решить тайваньскую проблему, США поддержат Тайвань всей мощью своих вооруженных сил. Тем не менее обе стороны прекрасно понимают, что военного решения тайваньской проблемы нет. Во многом это обусловлено объемом экономических отношений, который определяет острую заинтересованность как

США, так и КНР в поддержании стабильных экономических и политических отношений друг с другом.

До тех пор пока Россия не станет экономически весомой державой в Северо-восточной Азии и на Дальнем Востоке, – подчеркнул Михаил Носов, – ее роль в этом регионе будет невысокой. Раньше считалось, что экономический провал компенсируется нашей военной мощью. Но уже сейчас японский военно-морской флот превосходит по тоннажу и по количеству выходов в море российский Тихоокеанский флот. Говоря о подходе КНР к проблемам, связанным с выходом США из договора по ПРО, он отметил, что китайцы ведут достаточно активные переговоры с США и заявили, что не возражают против развертывания ПРО ТВД. Что касается национальной ПРО, то КНР продолжает выступать против.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Василий Михеев подчеркнул, что Китай готов участвовать в многосторонних переговорах по созданию новых механизмов глобального сдерживания гонки вооружения, в том числе распространения ядерного оружия. Он подробно развил тезис о том, что Китай – не угроза, а конструктивный фактор создания нового мирового порядка. Как и любая компартия, отметил Василий Михеев, КПК хочет сохранить власть. При этом пекинское руководство понимает, что сохранение власти в огромной стране, где 70% населения – полуграмотные крестьяне, невозможно без поддержания социальной стабильности, которая, в свою очередь, требует продолжения экономического роста. Последний же в условиях глобализации мировой экономики возможен только при интеграции Китая в глобальные и региональные экономические структуры. Свидетельство тому – вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО). Китай пошел при этом на очень большие уступки, имея в виду, что вступление в ВТО открывает ему дорогу в будущее. Произошла своего рода негласная смена политики открытости на политику интеграции. Еще два-три года назад Пекин скептически относился к любым идеям многостороннего экономического сотрудничества. Сегодня же Китай инициирует создание зон свободной торговли с АСЕАН, а также с Японией и Южной Кореей, ведет теоретические разработки создания единой валюты в Северо-восточной Азии. Эти идеи далеки от практического воплощения, но они

свидетельствуют об изменении концепции открытости, о ее перерастании в концепцию интеграции. Все это ведет к дальнейшей либерализации экономической и финансовой жизни Китая.

Однако продвижение в сторону большей либерализации экономики, как отметил Василий Михеев, сталкивается с препятствиями идеологического порядка. Они постепенно преодолеваются. В частности, в 1999 году была принята поправка к Конституции, суть которой сводится к тому, что частная собственность, как и государственная, имеет право на существование. В целом же перспективы развития Китая связаны с приходом к власти нового, более прагматичного руководства. В этом свете большое значение может иметь XVI съезд компартии Китая, который состоится в конце 2002 года.

Гипотетическую угрозу Китай может представлять в случае экономического и социального коллапса. Если экономика перестанет развиваться нынешними темпами, прежде всего в результате сбоя в финансово-банковской системе, то весьма вероятны серьезные социальные потрясения. В свете этого, подчеркнул Василий Михеев, ни Россия, ни США не заинтересованы в ухудшении социально-экономической ситуации в Китае. Видимо, это был один из стратегических мотивов ускорения приема Китая в ВТО.

Экономическая взаимозависимость США и КНР, в том числе глубокая заинтересованность крупнейших американских корпораций в развитии связей с Китаем, обуславливают своего рода *предел ухудшения* американо-китайских политических и военно-политических отношений. Основные проблемы в этих отношениях – Тайвань и американское военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но после событий 11 сентября 2001 года они не носят критического характера. Так, Китай не драматизировал выход США из договора по ПРО, ему невыгодна гонка вооружений, хотя в Пекине есть свои *ястребы*, прежде всего военные, стремящиеся получить больше средств из государственного бюджета. Однако решающую роль в формировании внешней и военной политики КНР играют не военные, а партийное руководство. В этом отношении показательно, что Китай поддержал действия США в Афганистане. Начав с заявления о борьбе с террористами на собственной

территории, Пекин согласился на обмен разведывательной информацией и не исключил возможности своего участия в миротворческих операциях в Афганистане. Военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе болезненно воспринимается китайскими военными, но в Пекине нередко считают, что «США могут контролировать море, а Китай будет контролировать в Азии сушу». После 11 сентября 2001 года на фоне улучшения общей атмосферы американо-китайских отношений тайваньская проблема несколько потеряла свою остроту. Более того, на Тайване еще не определились, хотят независимости или нет, тайваньское общество в этом отношении расколото.

Говоря о российско-китайских отношениях, Василий Михеев отметил, что до сих пор Китай пытался разыгрывать российскую карту в своих отношениях с США, так же как Россия это делала с Китаем. В перспективе же, подчеркнул он, отношения России с Китаем имеют шанс как на конструктивное развитие, так и на ухудшение. Он выделил несколько проблем, которые могут осложнить эти отношения. Одна из них связана с вопросами ПРО. Россия втянула Китай в свою игру с США по ПРО; но когда в Москве стали менять позицию по этой проблематике, то Китай об этом в известность не поставили. В свою очередь, в Китае долгое время шли дискуссии – что опасней: национальная американская ПРО или ПРО ТВД, развернутая вблизи КНР. Иногда говорилось, что национальная ПРО и договор по ПРО 1972 года Китай мало интересуют, а вот ПРО ТВД, действительно, представляет угрозу, потому что может прикрыть Тайвань. В этом случае Китай теряет силовые аргументы в противостоянии независимости Тайваня. Кроме того, Китай продолжает рассматривать НАТО как угрозу, и любой вариант союза (или сближения) России и НАТО вызывает беспокойство в китайском руководстве. В целом же, российский анализ Василий Михеев, имеют шанс перейти на новый качественный уровень развития, но опираясь на улучшение российско-американских отношений.

Директор Центра политических и международных исследований Александр **Никитин** охарактеризовал современные тенденции гонки вооружений в Северо-Восточной Азии. Многие страны региона, подчеркнул он, постоянно указывают, что Китай противится перенесению принципов

ОБСЕ на переговорные процессы по разоружению в Азии. В Азии отсутствует комплекс соглашений в ядерной сфере, хотя и Индия, и Пакистан, и Израиль, и Китай являются ядерными державами. Особые опасения вызывает растущий интерес государств Азиатско-Тихоокеанского региона к ракетным вооружениям, в том числе к крылатым ракетам, а также к приобретению новых ядерных возможностей. Объем военных расходов государств Восточной Азии, отметил докладчик, вырос в девяностые годы примерно в два раза, достигнув к концу прошедшего десятилетия 170 млрд долл. Доля региона в американском военном экспорте увеличилась от 10 до 25%. Российский экспорт вооружений в страны Азиатско-Тихоокеанского региона также значителен. Почти 90% китайского импорта оружия после 1992 года приходится на долю России. Вместе с тем, подчеркнул Александр Никитин, Китай стремится расширить список стран, где он закупает вооружения.

Уровень безопасности в Северо-восточной Азии во многом зависит от развития ситуации на Корейском полуострове. Так, официальным поводом развертывания американской ПРО на Аляске является обретение ракетных возможностей Северной Кореей. Испытания КНДР ракеты *Тэподонг* изменили позицию Японии, которая в декабре 1999 года подписала соглашение с США о совместных разработках в области ПРО ТВД. Эти испытания показали уязвимость Японии, Южной Кореи и США. При этом после 11 сентября 2001 года северокорейскому ракетному потенциалу придается совершенно иное значение, чем ранее. Важно также, что, несмотря на имевшие место переговоры, Южная Корея не будет строить свою ПРО ТВД и не купит у России или у США компоненты соответствующих систем.

Современная *архитектура* военного противостояния в Восточной Азии опирается на потенциал Китая как гигантской континентальной региональной державы, а также на возможности США как крупнейшей морской державы. Эта военно-политическая ось не включает Россию. Доминирование в регионе американо-китайских отношений и американо-китайского баланса сил становится очевидным. В свете этого, заключил Александр Никитин, многое будет зависеть от того, станет ли Китай своего рода *вождем третьего мира*, пойдет ли он на гонку вооружений с США, в том числе на наращивание своих ракетно-ядерных

вооружений в ответ на планы развертывания национальной ПРО.

Доцент географического факультета Московского государственного университета Наталья **Зубаревич** посвятила свое сообщение социально-экономическому положению на российском Дальнем Востоке. Экономическое развитие этого региона в девяностые годы, подчеркнула она, характеризовалось опережающим, по сравнению с общероссийскими показателями, отставанием в развитии экономики; более заметным снижением уровня жизни и занятости; медленным и нестабильным ростом после финансового кризиса 1998 года и уменьшением роли региона в экономике страны.

При этом роль экспорта в экономике Дальневосточного региона ниже, чем принято считать. Так, доля Дальнего Востока в населении России составляет около 5%, в промышленном производстве также – около 5%, в иностранных инвестициях (главным образом, добыча нефти на сахалинском шельфе) около 23%, а в импорте и экспорте – примерно 2,5–3,0%. Это объясняется прежде всего тем, что круг основных экспортных ресурсов ограничен, а огромные потенциальные ресурсы Дальнего Востока дороги и труднодоступны.

Для оценки перспектив экономического и политического развития Дальнего Востока, отметила Наталья Зубаревич, необходимо учесть низкую степень финансовой и экономической самостоятельности. На Дальнем Востоке нет ни одного региона-донора; затраты на эксплуатацию жилья и объектов инфраструктуры в два–три раза выше средних по стране; крайне низка обеспеченность инфраструктурой; имеет место значительный дефицит электроэнергии. Доля федеральной помощи в бюджетных доходах колеблется от 18% в Хабаровском крае до 50% и более в Еврейской автономной области. Структура экономических связей региона свидетельствует о том, что он *замыкается в себе*: на внутрирегиональные связи приходится около 70% товарооборота, на международные – 15–20%, а на связи с другими регионами России – всего около 10%.

Перспективы экономического развития Дальнего Востока, подчеркнула Наталья Зубаревич, характеризуются своего рода *сжатием* экономического пространства и медленной интеграцией в мировой рынок.

Будет продолжаться точечное освоение наиболее значимых природных ресурсов; сохранится сырьевая ориентация. Можно предполагать, что созданные в советское время обрабатывающие производства в основном не восстановятся. Нет оснований надеяться на серьезный приток иностранных инвестиций. Это объясняется плохим *имиджем* региона в глазах иностранных инвесторов, неудовлетворительной институциональной и правовой средой, противодействием крупного российского бизнеса.

По мнению Натальи Зубаревич, не стоит преувеличивать экономическое и политическое значение китайской миграции. Географически она сосредоточена в узкой полосе на юге района, носит *маятниковый характер* и ограничена несколькими наиболее прибыльными отраслями – торговля, лесозаготовкой и сельским хозяйством.

В политическом плане главный вывод из выступления Натальи Зубаревич состоит в том, что экономическая ситуация на Дальнем Востоке и перспективы ее развития предвращают проявление сепаратистских тенденций. Регион, за исключением нескольких сверхприбыльных проектов освоения природных ресурсов, оказывается непривлекательным для иностранных инвестиций; не может существовать без крупных федеральных дотаций и не обладает собственными финансовыми ресурсами для самостоятельного развития.

В заседании Экспертно-консультативного совета приняли участие представители российских государственных ведомств, в том числе представители МИД, Совета безопасности, СВР, Комиссии по международным связям и защите иностранных инвестиций, а также ведущие специалисты ПИР-Центра, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института стратегической стабильности, Российского института стратегических исследований, Института системного анализа, Московского Центра Карнеги, Комитета ученых за глобальную безопасность, Российского Пагуошского комитета, Центра политических и международных исследований, Центра экспортного контроля, Федерации мира и согласия, а также представители посольства Нидерландов и Всероссийской государственной телерадиокомпании.